

**ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ПЕРЕЖИВАНИЕ
ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК
(ПО ПЬЕСЕ Н.В.ГОГОЛЯ «ЖЕНИТЬБА»)**

Опубликовано: Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып. 3. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2009. – С. 46-49.

Жизненная ситуация выступает, в самом общем плане, в качестве некоего «проявителя» внутренних детерминант человеческого бытия, будучи по форме фрагментом среды как внешних объективных обстоятельств жизнедеятельности, с которыми происходит непосредственный контакт человека, а по содержанию – ситуацией личной жизни, т.е. жизненные обстоятельства, наиболее близкими (значимыми) для человека. Это придает психологическому исследованию многомерность и позволяет уйти от привычного рассмотрения человека как замкнутого целого.

Н. В. Гоголь широко использует возможности жанра пьесы для того, чтобы раскрыть внутренний мир людей, для которых привычен поверхностный уровень бытия, без его глубокого осмысления, в подчинении стихии жизни. При этом большое внимание уделяется жизненной ситуации как проявителю устойчивой психологической организации. Это характерный для Гоголя прием, который он использовал и в других жанрах (например, сюжет «Мертвых душ» выстроен именно таким образом). Но именно в драматургии Гоголя наиболее полно проявляются такие особенности его творчества как «общая ситуация» (максимальная широта изображения, совмещенная с его ограничением) и «миражная интрига» (термин А. А. Григорьева: не персонаж, а сюжет управляет ходом развития событий (Манн Ю. В., 2007)). В. А. Воропаев (2002) в данном контексте употребляет понятие «замкнутость художественного пространства». Комедия Н. В. Гоголя «Женитьба» позволяет рассмотреть различные варианты взаимодействия с жизненной ситуацией вступления в брак в зависимости от личностных особенностей. Личность при этом, как и в других пьесах Гоголя, выступает как «персона», маска, социальная роль – индивидуализированный поведенческий рисунок, не проявляющий глубоко внутренний мир.

В пьесе обыгрывается одно событие – женитьба (небогатого чиновника на богатой купеческой дочери). Жизненные устремления (ориентации) целой череды женихов видны по их требованиям к невесте. Главный герой Подколесин решает жениться, просто испытывая потребность что-то изменить в своей жизни. То есть, предстоящие изменения сами по себе — цель женитьбы, о чем говорит и приятель Подколесина Кочкарев, личность которого примерно на том же уровне зрелости: «Ну, а как будет у тебя жена, так ты просто ни себя, ничего не узнаешь: тут у тебя будет диван, собачонка, чижик какой-нибудь в

клетке, рукоделье... И, вообрази, ты сидишь на диване, и вдруг к тебе подсядет бабёночка, хорошенькая этакая, и ручкой тебя» (П.с.с., т. 5, с. 17).

Подколесин стал нарицательным образом нерешительности, которую с наибольшей полнотой выражает его, казалось бы, решительный поступок — прыжок в окно в судьбоносный момент жизни. Лень и нерешительность Подколесина, по В. Гиппиусу (1994), исходят из обывательского самодовольства, свойственного большинству гоголевских героев, отсюда и чиновная спесь. Так, Подколесин много внимания уделяет внешности. Наряжаясь, он размышляет, какая одежда прилична его чину надворного советника, тщеславится своим чином. Он даже у слуги выпрашивает, говорил ли он портному о его чине. Тщеславием чином Подколесин напоминает майора Ковалева («Нос»). В этом смысле невеста под стать ему: купеческая дочь Агафья Тихоновна тоже тщеславна и хочет стать дворянкой. О сапогах он произносит целую речь: «Кажется, пустая вещь сапоги, а ведь, однако же, если дурно сшиты да рыжая вакса, уж в хорошем обществе и не будет такого уважения. Все как-то не того...» (Там же, с. 11). Подколесин пугается, услышав о возможности седого волоса (от свахи): «Это хуже, чем оспа» (Там же, с. 14). В общем, и своему внешнему виду, и чину он придает большое значение. Тем не менее, хаотичный портрет его комнаты (изображенный словами приятеля Подколесина Кочкарева) соответствует хаосу и неприбранности в его душе: «Вон невычищенный сапог стоит, вон лоханка для умывания, вон целая куча табака на столе, и ты вот сам лежишь, как байбак, весь день на боку» (Там же, с. 16). Внутренний мир его неподвижен, о чем свидетельствуют слова свахи:

Ф е к л а . Да помилуй, отец; уж вот третий месяц хожу к тебе, а проку-то ни на сколько. Все сидит в халате, да трубку знай себе покуривает (Там же, с.13).

Приводимая ниже цитата характеризует значительное воздействие данной жизненной ситуации на внутренний мир Подколесина и на последующий поступок — бегство «из-под венца». «Именно, наконец, теперь только я узнал, что такое жизнь. Теперь передо мною открылся совершенно новый мир. <...> Право, как подумаешь: чрез несколько минут, и уже будешь женат. Вдруг вкусишь блаженство, какое точно бывает разве в сказках, которое просто даже не выразишь, да и слов не найдешь, чтобы выразить. *(После некоторого молчания)*. Однако ж, что ни говори, а как-то даже делается страшно, как хорошенько подумаешь об этом. На всю жизнь, на весь век, как бы то ни было, связать себя и уж после ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего — все кончено, все сделано. Уж вот даже и теперь назад никак нельзя попятиться: чрез минуту и под венец; уйти даже нельзя — там уж и карета, и все стоит в готовности. А будто в самом деле нельзя уйти? Как же, натурально нельзя: там в дверях и везде стоят люди; ну, спросят: зачем? Нельзя, нет. А вот окно открыто; что, если бы в окно? Нет, нельзя; как же, и неприлично, да и высоко. *(Подходит к окну)*. Ну, еще не так высоко, только один фундамент, да и тот низенький. — Ну, нет, как же, со мной даже нет картуза. Как же без шляпы? А что, если бы попробовать — а? Попробовать, что ли? *(Становится на окно и,*

сказавши: “Господи, благослови!”», соскакивает на улицу; за сценой кряхтит и охает). Ох! Однако ж высоко!» (Там же, с. 58-59).

М. Н. Бойко (2005) комментирует этот эпизод следующим образом: инерция жизни без личного счастья слишком сильна и для Подколесина дороже риска. Более глубокие комментарии даны В. А. Воропаевым, И. А. Виноградовым (1994), увидевшими в кажущейся безобидности содержания глубокий сатирический смысл. В мире ограниченных обывателей, обладающих мелкими интересами, единственным мерилom человека служат чин и достаток: «Самые нормальные человеческие чувства настолько чужды людям этого гротескного мира, что один только проблеск выбивает их из колеи, как это показывают бессильные потуги Подколесина выразить новое для него ощущение влюбленности, вспыхнувшее в нем на мгновение и тотчас погасшее (т. 5, с. 470).

Согласно замечанию Ю. В. Манна (2007), существует традиция ставить в один ряд безвольных литературных героев — Шпильку, Подколесина, Обломова... А. А. Григорьев сравнил Подколесина с Гамлетом. Гамлет был отнесен нами ранее (Коржова Е. Ю., 2004) к типу ситуативно-целостной личности с созерцательной жизненной позицией, избирающей целенаправленный путь сознательной саморегуляции в отношениях. Данный тип личности описывает созерцательного, рефлексирующего, склонного к самоанализу человека, погруженного в раздумья над отдельными сторонами бытия, над гармоничностью своих отношений с людьми и миром, вплотную подходящего к осмыслению жизни. Это человек, у которого нет четкого представления о себе, своем назначении, жизненной цели, а его отношения к миру и себе двойственны, противоречивы из-за отсутствия цельности мировосприятия. Сложный внутренний мир не позволяет отнестись к жизни просто, но и к целенаправленному действию он не способен. Гамлет — яркое воплощение самоанализа и бездействия. Указанные персонажи родственны по своему безволию, нерешительности, противоречивости поступков. Так подчеркивается, с одной стороны, человечески значительное в персонаже и вместе с тем неоправданность его героизации: «Подколесин — это Гамлет, низведенный в другую, низкую сферу жизни; именно поэтому он не Гамлет» (Манн Ю. В., 2007, с. 610). От осмысления жизни Подколесин достаточно далек, хотя его противоречивость как бы подталкивает к этому... Это созерцатель более низкого ранга, которого можно отнести к типу потребителя жизненной ситуации.

Персонажи Гоголя принимают ценность созерцания как ведущую при разном уровне личностной зрелости, в зависимости от которой созерцательность как характеристика личности и сопутствующий ей покой принципиально различны. Гоголь обращался к данному типу на протяжении всего творчества, а в «Мертвых душах» наиболее «выпукло и ярко» выставил «на всенародные очи» русское «ничегонеделание» (Овсяннико-Куликовский Д. Н., 1989). Под этой рубрикой объединены личности, внешние проявления которых отличает «недеятельная», и только в этом значении — снижено-созерцательная позиция. Помимо «Мертвых душ», «созерцатели»

невысокого уровня («потребители») обнаруживаются в лице Шпоньки («Иван Федорович Шпонька и его тетушка»), а также Подколесина («Женитьба») и Семена Семеновича Батюшка («Мелкие отрывки»), которых можно отнести к типу «уединившийся в себе» (разновидность «потребителя»). Созерцательность воспринималась Гоголем прежде всего как русская черта. Об этом Гоголь не раз высказывался, например, в письме К. С. Аксакову, март 1841 г., Рим: «Есть у русского человека враг, непримиримый, опасный враг, не будь которого, он был бы исполином. Враг этот — лень, или, лучше сказать, болезненное усыпление, одолевающее русского. Много мыслей, не сопровождаемых воплощением, уже у нас погребло бесплодно. Помните вечно, что всякая втуне потраченная минута здесь неумолимо спросится там, и лучше не родиться, чем побледнеть перед этим страшным упреком» (П.с.с., т. 11, с. 338). В. А. Котельников (1994) провел специальное исследование, посвященное этимологии понятия «покой» и истории его использования в русской литературе. Он делает вывод о том, что понятие покоя является парадигмальным для русской культуры, что подтверждается, в частности, соответствующим наименованием одной из букв славянской письменности — ведь наименования букв выбирались из числа основополагающих для национального самосознания. Однако в русской словесности покой деонтологизируется, распространяются его значения, относящиеся к телесно-душевной жизни человека.

Литература

1. *Бойко М. Н.* Авторские миры в русской культуре первой половины XIX века. СПб., 2005.
2. *Воропаев В. А.* Гоголь над страницами духовных книг. М., 2002.
3. *Воропаев В. А., Виноградов И. А.* Комментарии // Гоголь Н. В. Собр. Соч. в 9 тт. М., 1994.
4. *Гиппиус В.* Гоголь (1924) // Гиппиус В. Гоголь. Зеньковский В. Н. В. Гоголь. — СПб., 1994.
5. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. в 14 тт. М., 1937-1952.
6. *Коржова Е. Ю.* Путеводитель по жизненным ориентациям: Личность и ее жизненный путь в художественной литературе. СПб., 2004.
7. *Котельников В. А.* «Покой» в религиозно-философских и художественных контекстах // Русская литература. 1994. № 1.
8. *Манн Ю. В.* Творчество Гоголя: Смысл и форма. СПб., 2007.
9. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Н. В. Гоголь // Овсянко-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы в 2-х тт. М., 1989а. Т. 1.